

Шведское вторжение с моря, или Хитрый Крюйс

Впрочем, в 1705 г. ситуация для русских изменилась в худшую сторону. Шансы противоборствующих сторон в Прибалтике выравнялись и даже стали благоприятнее для шведов. Дело в том, что армия Петра I вынуждена была уйти из Ингерманландии в Литву и Польшу. Именно там решалась судьба войны, в том числе и будущее нового города в Ингерманландии. Поэтому крупных сил в районе Петербурга Петр оставить не мог. В распоряжении обер-коменданта Петербурга и главного воинского начальника Р. В. Брюса находилось не более шести тысяч человек, причем тысячу из них составляли иррегулярные соединения казаков (донских и запорожских), татар и башкир. Шведы тогда располагали большим количеством солдат — не менее 10 тысяч штыков. Шведские генералы, сначала барон Мандель, а потом Г. Любекер с финляндскими войсками, состо-

⁵¹ *Тимченко-Рубан Г. И.* Военные действия в Ингерманландии в 1706—1708 гг. // Военный сборник. 1900. № 10. С. 140—146.

⁵² Там же. С. 131.

⁵³ АСПБИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 108. Л. 148.

явшими из шведов и финнов, имея своей основной базой Выборг, пытались переломить ход военных действий в свою пользу. В 1705—1708 гг. несколько раз обстановка вокруг Петербурга становилась критической. Шведы пробовали выбить русских из устья Невы согласованными ударами с суши (с севера и востока) и с моря, намереваясь захватить Котлин и Кроншлот. Опасной фронтовой окраиной Петербурга стал Каменный остров. Летом 1705 г. шведы переправились на него и заложили на правом берегу Малой Невки батарею, сосредоточив тут свои силы. Брюс укрепил орудиями левый берег Малой Невки со стороны Аптекарского острова и ждал наступления шведов.

Одновременно эскадра адмирала Анкерштерна пыталась прорваться к Петербургу, а также высадить десант на Котлине. Шведские командующие действовали согласованно — накануне прихода эскадры к Кроншлоту Мандель побывал на флагманском корабле Анкерштерна, а затем предьявил Брюсу ультиматум с требованием сдачи Петербурга. Однако Брюс, действуя смело и решительно, сумел отбросить шведов с Каменного острова и не дал им возможности закрепиться ни на левом, ни на правом берегу Невы выше города.

Столь же отважно действовал командующий русскими морскими силами и укреплениями Кроншлота и Котлина вице-адмирал Корнелий Крюйс. В 1705 г. под его началом находилась уже не флотилия лодок (все, чем русские обладали в 1703 г.) — а 8 фрегатов, 2 брандера, 5 шняв, более 40 галер и несколько бригантин. Эти разномастные, мелкие, построенные из сырого леса, плохо укомплектованные и снаряженные суда с трудом можно было назвать полноценным флотом, способным сразиться с противником в открытом море. Тем не менее удары относительно слабой группировки русских войск оказались очень эффективными благодаря умелой координации действий морских и сухопутных сил. Да и сам Котлин был удачно использован как непотопляемый корабль, который в 1704—1705 гг. вооружили пушками. На его «носу» — узкой западной оконечности — построили артиллерийские батареи (Толбухина, Островского и Александровскую). Там же выкопали обращенный фасадами к морю «пехотный окоп» (редут) для солдат. На южном берегу (по «левому борту» Котлина) стояли две батареи — Лесная и Ивановская. Огонь их пушек, как и огонь Кроншлота, перекрывал фарватер. Кроме того, на воду были спущены «плавучие рогатки» — плоты, мешавшие проходу неприятельских кораблей.⁵⁴

Морское вторжение началось 4 июня 1705 г., когда эскадра адмирала Анкерштерна (более 20 вымпелов, в том числе 7 линейных кораблей и 6 фрегатов) появилась на горизонте и вскоре встала на якорь в миле от Кроншлота. Из русского описания сражения следует, что корабли, «подняв парусы, пошли под самые пушки кроншлотские (также фрегатов наших и галер, стоящих у онога) к нашим пловущим рогаткам, которые на якорях лежали поперек фарватера между косою кроншлотскою и Котлина остро-

⁵⁴ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. С. 26—27.

ва». Однако, как записано в «Журнале, или Поденной записке» Петра, фрегаты авангарда, встретив огонь русских пушек, отступили. Между тем неясно, почему же, имея превосходящие силы, в том числе многопушечные линейные корабли, Анкерштерн не решился прорываться к Петербургу. Возможно, причина нерешительности шведского адмирала заключалась не только в продуманной системе русской обороны, но и в хитрости Крюйса.

Как писал Ю. Юль, Крюйс «приказал побросать ночью в море и поставить на якоря поперек фарватера известное количество свай, наподобие палисада. Шведы... хотели пробиться силою между Кроншлотом и островными укреплениями, а затем сжечь город Петербург. Но хитрость русского вице-адмирала удалась. Когда на следующий день шведская эскадра, идя на всех парусах по фарватеру, заметила этот стоящий на якорях палисад, то побросавши реи, оставила свое намерение, вообразив, что сваи вбиты в дно и опасаясь, что, наткнувшись на них, корабли пойдут ко дну».⁵⁵

Крюйс тщательно расставил корабли на якорях в фарватере между Ивановской батареей и Кроншлотом. Позади них, ближе к Петербургу, выстроились мелкие суда.⁵⁶ Шведы, не решившись атаковать Кроншлот и корабли русских, принялись обстреливать Ивановскую и Толбухинскую батареи, а затем на берег у Толбухинской батареи высадили десант. Но с самого начала шведам не повезло — песчаные отмели у берега, на которые наткнулись десантные шлюпки, перемежались глубокими ямами и вымоинами. Солдаты, высадившиеся из шлюпок на отмели, через несколько шагов начали проваливаться в ямы и тонуть. Те же, кто все-таки выбрался на кромку прибоя, были внезапно атакованы свежими силами пехоты Толбухина. Потеряв из полутора тысяч более 300 человек убитыми, а в большинстве своем утонувшими, шведы отступили.

Вскоре по просьбе Крюйса из Петербурга на Котлин были переброшены шесть больших пушек и две мортиры. Началась артиллерийская дуэль — Анкерштерн хотел повторить высадку, но для этого нужно было подавить огонь русских пушек на Ивановской батарее, в Кроншлоте и на наиболее крупных 24-пушечных русских фрегатах (их было восемь), и прежде всего на флагмане Крюйса — фрегате «Де-Фам». Однако русские артиллеристы оказались удачливее шведских, и несколько их точных попаданий заставили Анкерштерна отвести корабли подальше в море. 14 июня после артиллерийской подготовки шведы вновь пытались захватить Толбухинскую батарею, но огонь 15 русских пушек и 2200 ружей солдат отбил новый десант. На берегу было подобрано множество трупов шведских морских пехотинцев.⁵⁷ В конечном счете предусмотрительность и энергия, с которой была организована Брюсом и Крюйсом оборона города, решили исход дела — шведам так и не удалось приблизиться хотя бы на пушечный выстрел к новой крепости на Заячьем острове.

⁵⁵ Юль Ю. Записки... С. 179.

⁵⁶ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. С. 27.

⁵⁷ Там же. С. 28—29.

Портрет на фоне города

Вице-адмирал Корнелий Крюйс, или Любовь к Сенеке

Летом 1705 г., два года спустя после основания крепости на Заячьем острове, судьба Петербурга повисла на волоске. Можно представить себе, как огромная шведская армада подошла к Котлину. Она имела указ короля стереть Петербург с лица земли...

Но не будем забывать — Петербург с самого начала строился как крепость и люди, которых оставил оборонять город царь Петр, свое дело знали хорошо. Они четко и хладнокровно отразили нападение противника. Решающими и спасительными для Петербурга стали действия командующего русским флотом вице-адмирала Корнелия Крюйса...

Его считают своим сыном две страны — Голландия и Норвегия. Крюйс был голландцем, но родился в Норвегии. Однако его настоящим отечеством было море, безбрежное пространство которого во все стороны бороздили голландские корабли. С детских лет Крюйс служил на флоте и успел побывать в Индии и Америке. На набережной Амстердама до сих пор стоит высокая Башня слез. Нет, никого в ней не пытали, но в тот день, когда сотни моряков со своими деревянными сундучками в руках садились на шлюпки и буера, чтобы плыть к стоявшим на рейде кораблям, все ярусы башни усеивали женщины и дети — они плакали и махали белыми платками своим мужьям, братьям и отцам, которые уходили в море. Для многих это было прощание навсегда — обычно только половина кораблей возвращалась домой. И каждый раз среди тех, кто вступал на родной берег, оказывался счастливчик Крюйс.

Словом, на пороге старости это был просоленный всеми ветрами морской волк. К сорока годам Крюйс осел на берегу, стал главным специалистом голландского флота по такелажу и, наверно, закончил бы свою жизнь в уютном домике на тихой улочке Амстердама, окруженный заботливой семьей. Но этого не случилось — в 1697 г. в Амстердам приехал молодой русский царь, который поразил всех своими занятиями на верфях Ост-Индской компании, где он прилежно трудился как простой подмастерье. Ему позарез нужны были инженеры, мастера, моряки. Он нанимал их десятками — в России начались реформы. И все ему указывали на сурового обер-такелажмейстера Крюйса, который — сколько его ни уговаривал царь — не хотел ехать в Россию: чего он там не видел!

Но все же царь сумел сманить Крюйса — он пообещал ему чин контр-адмирала и большие деньги. И Крюйс не устоял — душа морского странника не давала ему покоя, он скучал на берегу, да и какой настоящий моряк не мечтает быть адмиралом. Крюйс приехал в Россию, и скучать здесь было некогда: он плывал по Азовскому морю, чертил атлас Приазовья. А потом началась Северная война, и Крюйс был одним из тех, кто создавал новый флот на Балтике. И вот летом 1705 г. он выиграл свое первое морское сражение. Нет, он не бросился навстречу шведской эскадре —

К. И. Крюйс. П. Шенк. До 1715 г.

она была сильнее. Русский флот тогда был, как уже сказано, плохоньким флотом. Но Крюйс умело расставил свои корабли и не позволил шведам высадить десант. А когда удачным выстрелом русские пушки накрыли шведский адмиральский корабль и с него дождем полетели золоченые кормовые украшения, шведы стали отходить. Крюйс даже рискнул преследовать их. Так он не позволил оборвать волосок, на котором был подвешен Петербург.

Царь был очень доволен старым морским волком. Правда, это не помешало Петру спустя семь лет отдать Крюйса под суд. На этот раз июнь оказался несчастливым для нашего героя. Во время боя со шведами он посадил на камни два лучших петровских корабля «Выборг» и «Ригу», причем на «Риге», которую пришлось сжечь, спустил флаг, что было расценено царем как невиданное преступление — капитуляция. Петр был в ярости, и никакие заслуги не спасли вице-адмирала: он был приговорен к расстрелу. То-то, наверное, проклинал себя Крюйс — дернул же черт на старости лет сунуться в Россию! Но все обошлось: Петр хотя и был горяч, но голову имел холодную, такими адмиралами не бросаются! И он приказал сослать Крюйса в Казань. Отправляясь туда, Крюйс прихватил Библию на голландском языке и томик писем римского философа Сенеки. Знающий да оценит — ведь Сенеку сослал, а потом приказал ему покончить с собой римский император Нерон. Сенека был давно готов к этому, и все его письма подчинены одной мысли: самоубийство не грех, а освобождение. Но и на этот раз гроза над Крюйсом прошла стороной. Через год царь вызвал его из ссылки и великодушно сказал ему: «Я на тебя более не сержусь!» И получил в ответ: «И я перестал на тебя сердиться!» Ответ, достойный Сенеки.

Преподавать не было времени — нужно было строить корабли, оснащать их, писать Морской устав, а без Крюйса — вице-президента Адмиралтейской коллегии — было не обойтись. Так он и проработал в России до самой своей смерти в 1727 г.